

15. Страховский И. М. Губернское устройство // Журнал министерства юстиции. — 1913. — №7.

16. Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х годов XIX века. — М., 1991.

*М. Н. Громов, доктор философских наук, профессор
(Институт философии Российской академии наук, г. Москва)*

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ, ПРАВО, МОРАЛЬ:

Опыт философского осмысления

Наряду с рассмотрением исторических фактов, имевших место в прошлом, и современных актуальных проблем государственно-правового характера, связанных с регионом Северного Причерноморья, небесполезным будет и философский их анализ в широком социально-культурном контексте, опыт которого в краткой тезисной форме предлагается ниже.

Сочетание “общефилософских и конкретно-научных методов” [1, с. 7-13] позволяет избегать крайностей архивизации и модернизации, политизации и идеологизации, резкой акцентировки конфессионального и этнического аспектов и позволяет выработать более сбалансированное, взвешенное, объективное отношение к исследуемым феноменам прошлого и настоящего. Это важно учитывать при изучении такого сложного и обширного геополитического региона, как Причерноморье, и особенно Крыма, являющегося местом встречи и пересечения многих цивилизаций и соответствовавших им политических и правовых систем.

Тавры, скифы, готы, греки, византийцы, хазары, русичи, татары, турки, итальянцы и другие народы были вовлечены в орбиту взаимных отношений и оставили свой след в формировании местных традиций, придавая им полиэтнический и поликонфессиональный характер. Для истории восточного славянства существенным является то, что именно в этом регионе оно приобщилось к высокоразвитым восточноевропейским цивилизациям и прежде всего к эллинской. Не случайно многие историки государственно-правовых отношений в Древней Руси, в частности дореволюционный специалист В. И. Сергеевич и современный И. Я. Фроянов, сравнивают “племенных вождей” Руси с аналогичными греческими “филархами”, а древнерусские “города-волости” с античными и византийскими полисами [2, с. 218; 3, с. 12]. Приморская ориентация данного региона

является типологической особенностью и отличает его от внутринеокультурных. Южный вектор в отечественной древнерусской истории был доминирующим до середины XV в., когда он сменился на западный, ставший с тех пор основным.

Следующей характерной особенностью данного региона, в первую очередь Крыма, является порубежный, пограничный, периферийный по отношению к центру (каковыми были в разное время Афины, Рим, Константинополь, Петербург, Москва, а ныне Киев) характер, что создает неизбежно проблему взаимоотношения по линии «столица-регион». Выработка эффективной политики и соответствующего правового обеспечения в этой ситуации является непростой проблемой.

Со времен античной колонизации в Причерноморье сложилась полицентрическая многополюсная ориентация, вырабатывавшая иное политическое сознание, нежели в имперских столицах. Местный патриотизм, стремление к автономизации, желание установить договорные отношения с центром явственно проступают во все периоды развития данного региона. Они принимали латентный характер во время усиления центральной власти и выходили наружу, обостряя ситуацию, при ее ослаблении или удалении, но никогда не исчезали вовсе. Это относится прежде всего к Крыму, но также справедливо и по отношению к Запорожской Сечи, Одессе, Гуляйполю, Дунайскому устью и другим весьма специфическим и колоритным местам, охватываемым понятием Северного Причерноморья. И, как нигде, здесь применимы утверждения известного правоведа Б. А. Кистяковского о соединении «элементов культуры» с политическим и правовым сознанием для стабильности общества, иначе наступает правовой нигилизм, ведущий к деструктивным последствиям [4]. Правовая и политическая культура неотделимы от культуры в целом. Когда это забывается, общество испытывает деформации и потрясения.

Необходимо также вспомнить о связи политики и права с моралью, которая забывалась в последние времена и вновь привлекает внимание не только исследователей, но и уставшего от политического цинизма общества [5]. Пора вновь осмыслить и то, что право является не только продуктом субъективной деятельности людей, социальных групп, правящих элит. В его основе, как полагал Е. Н. Трубецкой и многие иные философы права, «лежит вечный, незбываемый божественный порядок, который господствует не только в человеческих отношениях, но и во всем строе мироздания» [6, с. 202]. Как утверждается в наиболее авторитетном римском праве *divina quadam providentia* (правовые нормы устанавливаются божественным провидением).

В византийско-славянской традиции основополагающим юридическим кодексом являются «Институции Юстиниана» (*Corpus Juris Civiles*), где в тезисе I «О праве справедливости» декларируется: «Наука права есть знание божественного и человеческого, умение отличать справедливое от несправедливого» [7, с. 15]. Подобно своему великому предшественнику, давшему важнейший свод законов и воздвигшему храм воплощенной Премудрости, поступил великий князь Ярослав Мудрый, строитель Софии Киевской и создатель древнейшей редакции «Русской Правды», соединившей нормы славянского обычного права с принципами византийского законодательства [8]. В их деятельности государственный, правовой, нравственный, религиозный, общекультурный аспекты были тесно взаимосвязаны, потому столь величественны и долговечны как архитектурные, так и письменные творения тех эпох.

После крещения Руси важную роль в политической, правовой и дипломатической деятельности стала играть церковь, имевшая отдельную юрисдикцию, но действовавшая в рамках «симфонии государства и церкви» и на основе широкой социальной базы [9, с. 4-6]. За прошедшие века и особенно десятилетия советского атеистического периода отношения между государством и церковью претерпели немало испытаний, когда «симфония» превращалась в «какафония», а цезарепапистская тенденция устанавливала примат государства [10]. В современных условиях церковь восстанавливает свои законные позиции и дальнейшее развитие социума невозможно без ее участия. Это особенно очевидно в Крыму, колыбели и источнике христианизации восточного славянства.

Литература

1. Нерсисянц В. С. Методологические проблемы истории политических и правовых учений. — М., 1998.
2. Сергеевич В. И. Русские исторические древности. — СПб., 1900. — Т. 2.
3. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. — Л., 1980.
4. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. — М., 1916.
5. Букреев В. И., Рижская И. Н. Этика права. От истоков этики и права к мировоззрению. — М., 1998.
6. Трубецкой Е. Н. Право и нравственность // Русская философия права: Философия веры и нравственности. — СПб., 1997.

7. Институции Юстиниана / Пер с лат. Д. Расснера. — М., 1998.
8. Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. — М., 1988.
9. Шапов Я. П. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. — М., 1989.
10. Николин А. Церковь и государство (история правовых отношений). — М., 1997.

*В. М. Демченко, кандидат філологічних наук
(Запорізький юридичний інститут ВМС України)*

АНТИТЕЗА ДО ЛЕГЕНДАРНОЇ ТЕЗИ ПРО ПІВДЕНЬ УКРАЇНИ

У 1997 р. ми могли б відзначити сторіччя першого офіційного перепису населення на нашій території. Здавалося б, це не є значною подією, але попри специфічне ставлення до статистики цезанперечним фактом є те, що такий докладний перепис має велике історичне значення: прискіпливий аналіз його результатів відтворює соціально-економічну та національно-культурну картину тогочасного суспільства, зокрема на території Півдня України.

Взагалі слід зазначити, що після будь-яких організаційних або трансформаційних подій (наприклад, у повоєнний період чи після офіційного оформлення нового державного утворення) перепис матеріальних і людських ресурсів є обов'язковим. Яку базу має держава, які культурні орієнтири та пріоритети визначені населенням, як це населення себе ідентифікує — всі ці фактори можуть і повинні бути передбаченими й використаними органами влади.

У цьому плані негативним є той факт, що на початку 90-х рр. XX ст. перепису не було. Остання аналогічна кампанія відбулася у 1989 р., але вона мала принципово іншу методологічну базу — традиції та орієнтири радянської соціології (з усіма похідними рисами). Цей непроведений перепис населення мав би дещо інші результати -- з проєкцією на орієнтири суверенної країни, але зараз уже не варто відтворювати це ретроспективно, оскільки за останній період відбулися знову-таки певні зміни в суспільстві. Отже, наступний перепис, який планується у поточному році, відтворюватиме вже певною мірою подвійну трансформацію суспільних орієнтирів.

Якщо взяти для прикладу рівень національної ідентифікації,